

A close-up photograph of a man with a beard and a young child. The man is on the left, looking down at the child. The child is on the right, wearing a yellow hooded jacket and looking directly at the camera with a serious expression. The background is blurred, showing other people in a crowd.

Максим Козлов

Граница

18+

Максим Козлов

Граница

<https://litres.ru/74066671>

SelfPub; 2026

Аннотация

У вас есть кнопка. Если нажать — тысяча незнакомых детей умрёт. Но ваш тяжелобольной ребёнок выживет. Вы нажмёте?

Главный герой — врач, чей пятилетний сын умирает от редкой формы рака. Лекарство существует, но стоит десять миллионов. Когда надежды собрать деньги не остаётся, к герою приходит человек из тайной организации и предлагает выбор: спасти сына или спасти тысячу голодающих детей. Десять секунд. Одно решение.

Герой не нажимает. Сын умирает. И тогда начинается путь, который проведёт его через агонию вины, через работу агентом той же организации, через убийство, тюрьму и попытку искупления. Он увидит, как выбирают другие — и девяносто пять процентов нажимают кнопку, спасая своего ребёнка. Он осудит их, но однажды поймёт: любой выбор превращает человека в чудовище в чьих-то глазах.

Эта книга не даёт ответов. Она задаёт вопрос, на который нет правильного решения. После неё вы уже не сможете судить других за их выбор — потому что узнаете, каково это: держать в руках красную кнопку.

Содержание

Десять секунд	4
Инструкция	28
Анна	48
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Максим Козлов

Граница

Десять секунд

Было холодно в коридоре. Пахло хлоркой и еще чем-то сладким. Этой сладкой дрянью всегда пахнет в детских отделениях. Пахнет ванилью и гнилью. Врач стоял у окна и смотрел на улицу. Его звали Алексей. Ему было тридцать четыре года. В кабинете на столе стоял остывший чай.

За окном шел снег. Снег падал на машины и на провода. Снег был грязный. В Москве снег всегда грязный уже через час после того, как выпадет. Алексей думал о том, что снег похож на вату, которой протирают спиртом перед уколом. Она тоже сначала белая, а потом становится серой. Он думал об этом уже пять минут. Ему нужно было думать о чем-то таком, чтобы не думать о другом.

Чай остыл окончательно. В кружке плавала дохлая муха. Алексей смотрел на муху и думал — живая она туда упала или уже дохлая. Если живая, значит, она утонула в отчаянии. Он усмехнулся. Отчаяние. Красивое слово. Слово из романов. Из романов, которые он читал в институте, пока учился на хирурга. Тогда он думал, что отчаяние — это когда тебя бросила девушка или когда не сдал экзамен по анатомии.

Тогда он был идиотом. Теперь он знал, что отчаяние — это когда у тебя есть пять миллионов рублей, а нужно десять. И когда каждый день, пока ты ищешь еще пять, твой сын теряет по сто граммов веса. Сто граммов в день. Как кусок масла. Отрезаешь по кусочку. Кладешь на хлеб. Съедаешь.

— Алексей Иванович, — сказала медсестра.

Она стояла в дверях. Звали ее Вера. Ей было пятьдесят. У нее были толстые щиколотки и добрые глаза. Такие глаза бывают у старых собак.

— Что? — спросил он, не оборачиваясь.

— Там к вам пришли. В ординаторскую. Говорят, по делу.

— По какому делу?

— Не сказали. Сказали, важно.

— Хорошо. Иду.

Он вылил чай в раковину. Муха прилипла к стенке раковины. Он включил воду. Муху смыло. «Вот так и нас», — подумал он. И сам себе удивился. Раньше он не думал такими глупыми фразами. Раньше он вообще не думал о смерти всерьез. Он был врачом и видел смерть часто, но это была чужая смерть. Она была работой. Как у слесаря — сломанный кран. Пришел, починил. Не починил — кран списали. Со смертью так же. Только запчастей нет. И кран — это человек. И когда кран списывают, ты идешь домой и забываешь. Если у тебя нет своего крана. Своего маленького крана пяти лет от роду.

Он шел по коридору. Коридор был длинный. Стены бы-

ли выкрашены в салатный цвет. Этот цвет назывался «фи-сташка». Он знал это, потому что когда-то сам закупал краску для отделения. Сто лет назад. В прошлой жизни. Тогда его сын еще был здоров. Тогда его сын просто был. А теперь его сын лежал в палате на третьем этаже и смотрел в потолок. У него не было волос. У него не было сил. У него был рак. Редкая форма. Та самая, которую показывают на конференциях и говорят: «Коллеги, обратите внимание, уникальный случай». Уникальный случай. Это про твоего сына. Уникальный случай, Алексей Иванович. Вы должны гордиться. Ваш сын — уникальный случай.

Он вошел в ординаторскую. Там сидел человек. Человек был одет в серое пальто. Пальто было дорогое. Такие пальто Алексей видел в журналах, которые читают в парикмахерских. Человек был лысый. У него были маленькие уши и большой рот. Рот был как у лягушки. Но глаза были умные. Очень умные и очень спокойные.

— Здравствуйте, Алексей Иванович, — сказал человек. Голос у него был тихий и ровный. Как у диктора на радио «Орфей». — Присядьте.

Алексей не сел. Он встал у стола и скрестил руки на груди.

— Кто вы?

— Мое имя вам ничего не скажет. Назовем меня господин Серый. Это не фамилия. Это псевдоним. Вам удобно будет так меня называть. Я представляю организацию. Название организации тоже ничего вам не скажет. Поэтому я его не

скажу. Скажу только, что мы занимаемся благотворительностью. Особого рода.

— Я не верю в благотворительность, — сказал Алексей. — Я собрал пять миллионов за три месяца. Благотворительные фонды дали триста тысяч. Остальное — друзья, родственники, кредиты. Я продал машину. Я продал дачу. Я продал всё. Благотворительность — это бизнес. Я знаю. Я просил у всех. Мне все отказали. Вы тоже откажете. Но перед этим скажете, что вам очень жаль. Я слышал это сто раз. Можете не говорить. Просто уходите.

— Я не откажу, — сказал господин Серый. Он достал из кармана портсигар. Потом посмотрел на табличку «Не курить» и убрал портсигар обратно. — У вас редкая форма. Медуллобластома с атипичной тератоидной рабдоидной картиной. Я правильно выговариваю?

— Правильно.

— Лечение существует. Доктор Шнайдер в Мюнхене. Его клиника берет десять миллионов рублей за полный курс. Это без учета перелета и проживания. Итого — одиннадцать. У вас есть пять. Где вы возьмете еще шесть?

Алексей молчал. Он знал, где он возьмет еще шесть. Нигде. Он продал почку, свою собственную почку, три недели назад. Это было больно и страшно, но он сделал это. Он получил полтора миллиона. Остальные три с половиной он собрал честно. Но почку можно продать только один раз. Сердце продать нельзя, потому что без сердца не доживешь до

операции сына. Больше продавать было нечего. Только себя целиком. Но он стоил дешево.

— Мы можем дать вам эти деньги, — сказал господин Серый.

В комнате стало тихо. Слышно было, как капает вода из крана в углу. Кран тек уже месяц. Алексей все собирался вызвать сантехника, но не вызывал. У него не было времени. У него было время только на сына.

— Что я должен буду сделать? — спросил Алексей.

— Почему вы сразу спрашиваете, что вы должны? Может быть, мы просто хорошие люди.

— Добрых людей не бывает. Я врач. Я знаю. Люди помогают, когда им выгодно или когда им страшно. Когда не страшно и не выгодно — не помогают. Я сам такой. Я не осуждаю. Я просто знаю. Что я должен сделать?

Господин Серый улыбнулся. Улыбка у него была приятная. Неприятно приятная.

— Вы трезвомыслящий человек. Мне это нравится. Вы правы. Есть условие. Оно не денежное. Это своего рода тест. Мы хотим, чтобы вы приняли решение.

— Какое решение?

— Моральное.

Алексей подошел к столу и сел. Ноги устали. Он много стоял сегодня. Он стоял у операционного стола четыре часа, пока оперировали чужого ребенка с аппендицитом. Ребенок выживет. У ребенка простой аппендицит, его вылечат,

он пойдет домой. А сын Алексея умрет. Потому что у сына Алексея не аппендицит, а медуллобластома. И ему нужен доктор Шнайдер в Мюнхене. И десять миллионов рублей.

— Я слушаю, — сказал Алексей.

Господин Серый достал из портфеля ноутбук. Он открыл его. Экран загорелся. На экране была картинка. Пустыня. Или степь. Желтая земля, сухие кусты. Люди. Много людей. Они сидели на земле и смотрели в одну точку. Это были дети. Черные дети. Очень худые. Очень грязные. У них были большие животы и тонкие руки. Алексей знал этот синдром. Квашиоркор. Белковое голодание. Животы раздуты от асцита. Руки как палки. Глаза пустые. Они умирали. Они все умирали.

— Это Эфиопия, — сказал господин Серый. — Или Судан. Или Йемен. Не важно. Важно, что каждую минуту на земле от голода умирает одиннадцать детей. Одиннадцать в минуту. Шестьсот шестьдесят в час. Почти шестнадцать тысяч в сутки. Мы не можем спасти всех. Никто не может. Но мы можем спасти некоторых. У нас есть программа. Мы поставляем продовольствие в семь регионов. Этого хватает, чтобы спасти примерно тысячу детей в месяц. Тысячу. Из шестнадцати тысяч. Это капля в море. Но для этой тысячи это море. Вы понимаете?

— Понимаю. При чем здесь я?

— При том, что ресурсы ограничены. Мы не можем накормить всех голодных детей и дать вам денег на операцию

вашего сына. Мы должны выбрать. И мы предлагаем выбрать вам.

Алексей посмотрел на экран. Дети сидели на корточках. Один ребенок, девочка лет четырех, чесала голову. У нее были спутанные волосы, покрытые коркой грязи. На лице сидели мухи. Она не отгоняла мух. У нее не было сил отгонять мух. Алексей вспомнил муху в кружке. Там муха утонула. Здесь мухи ели детей заживо.

— Что значит «выбрать»? — спросил он. Голос был хриплым. Он прокашлялся.

— Это значит, что прямо сейчас, в эту минуту, мы можем сделать две вещи. Либо мы переводим деньги на лечение вашего сына. Десять миллионов. Мы оплачиваем клинику, перелет, проживание. Ваш сын едет в Мюнхен. Доктор Шнайдер делает операцию. Через полгода ваш сын здоров. Вероятность девяносто два процента. Это хорошая вероятность. Либо мы не переводим деньги вам. Мы покупаем продовольствие и отправляем караван в регион, который вы видите на экране. Караван накормит тысячу детей. Они не умрут. Они выживут. Они вырастут. У них будут свои дети. Понимаете? Тысяча жизней против одной. Выбирать вам. У вас есть десять секунд.

— Это бред, — сказал Алексей. — Это какой-то бред. Вы не можете этого сделать. Это незаконно. Это шантаж.

— Нет. Это не шантаж. Мы ничего у вас не просим. Мы не угрожаем. Мы просто даем вам выбор. Мы не можем решить

сами. Мы — организация. Мы не люди. А решение должен принимать человек. Потому что только человек может взять на себя грех. Мы не хотим греха. Мы хотим, чтобы грех взяли вы. Или не взяли. Выбор за вами.

— Почему я?

— Потому что вы врач. Вы давали клятву Гиппократа. Вы понимаете цену жизни. Вы понимаете, что такое смерть. Вы имеете право решать. И потом, у вас уникальный случай. Ваш сын уникален. Таких, как он, — один на миллион. А дети в Африке — они обычные. Их много. Слишком много. Может быть, поэтому их не жалко. Я не знаю. Но выбор за вами. Десять секунд. Вот кнопка. Нажмите — и ваш сын спасен.

Господин Серый положил на стол небольшую коробочку с кнопкой. Кнопка была красная. Как в кино. Как в дурацком американском кино про ядерную войну. Красная кнопка на черной коробке. Проводов не было. Беспроводная. Современная технология.

— Что будет, если я не нажму? — спросил Алексей.

— Тогда умрут не эти дети. Эти дети выживут. Умрет ваш сын. Не сразу. Через месяц. Или два. Или три. Он будет умирать долго и больно. У него откажут почки, потом печень. Потом начнутся метастазы в мозг. Он перестанет вас узнавать. Он будет кричать по ночам от боли. Вы будете колоть ему морфин. Морфин кончится. Вам придется доставать еще. Вы будете врать, что это лекарство. Он будет ве-

ритель. Он будет смотреть на вас и верить, что папа спасет. А папа не спасет. Потому что папа решил спасти тысячу неизвестных детей в Африке. Которых он никогда не видел и не увидит. Которые, возможно, умрут через год от малярии или от пули повстанцев. Но папа решил, что это честно. И папа будет с этим жить. Или не жить. Это решит сам папа.

Алексей посмотрел на свои руки. Руки дрожали. Раньше они не дрожали. Он был хорошим хирургом, руки были твердые. Теперь они дрожали все время. С тех пор как он узнал диагноз. С тех пор как продал почку. С тех пор как перестал спать. Он смотрел на руки и думал: «Вот этими руками я держал сына, когда он родился. Он был синий и орал. Я перерезал пуповину. Я сам. Я врач. Я принял роды у жены, потому что скорая не доехала. Была метель. Такая же метель, как сейчас. Я перерезал пуповину, и он заорал. И я сказал: «Здравствуй, сын». И он замолчал. Как будто услышал. И посмотрел на меня. У него были синие глаза. У всех младенцев синие глаза, а потом они темнеют. У него потемнели. Стали серые. Как у меня. Серые глаза. А теперь они опять синие. От лекарств. От этих чертовых лекарств, которые не помогают».

— Время пошло, — сказал господин Серый. — Десять. Девять. Восемь.

Алексей посмотрел на кнопку. Она была гладкая и блестящая. Как леденец. Как тот леденец, который сын сосал перед тем, как ему сделали первую биопсию. Леденец был красный.

Вишневым. Сын сказал: «Папа, вкусно. Хочешь лизнуть?» И Алексей лизнул. Леденец был сладкий и липкий. А потом сына увезли в операционную. И он больше не просил леденцов. Потому что после химии все леденцы горчат.

— Семь. Шесть.

«Я могу нажать, — подумал Алексей. — Никто не узнает. Эти дети в Африке. Я их не знаю. Они не знают меня. Они умрут. Но они все равно умрут. Их умирает шестнадцать тысяч в сутки. Тысяча — это капля. Мой сын — это мой сын. Это не капля. Это океан. Мой океан. Мой единственный океан. Я не имею права не нажать. Я отец. Я должен спасти его любой ценой. Это моя работа. Это моя единственная работа на земле. Плевать на клятву. Плевать на этих детей. Это не мои дети. Мой ребенок — вот он. Он лежит на третьем этаже и смотрит в потолок. И ждет, что папа что-то придумает. Папа всегда что-то придумывал. Когда сломалась машинка, папа починил. Когда выпал зуб, папа положил под подушку монетку и сказал, что это от зубной феи. Когда было больно, папа дул на коленку и говорил: До свадьбы заживет. Теперь не заживет. Не заживет без десяти миллионов. Десять миллионов — это цена его жизни. Это не деньги. Это жизнь. Моя жизнь. Я не могу не нажать. Я должен нажать».

— Пять. Четыре.

«Но я врач, — подумал Алексей. — Я давал клятву. Я клялся помогать всем. Не только своим. Всем. Я резал людей, чтобы спасти. Я вытаскивал осколки, удалял опухоли,

сшивал сосуды. Я никому не отказывал. Ни бомжам, ни бандитам, ни ментам. Я штопал всех. Потому что я врач. Врач не выбирает, кого спасать. Врач спасает тех, кого может. Но сейчас я не врач. Сейчас я отец. Отец важнее врача. Сначала отец, потом врач. Или наоборот? Черт. Черт. Черт».

— Три.

Он вспомнил девочку на экране. Девочку с мухами на лице. У нее не было имени. У нее не было папы, который продал бы почку, чтобы купить ей хлеба. У нее вообще ничего не было. Только мухи. И она умрет. Умрет, если он нажмет кнопку. Потому что он, Алексей, решил, что его сын важнее. Но он важнее. Для него важнее. А для мира — нет. Для мира важнее тысяча. Тысяча всегда больше, чем один. Это математика. Но любовь — это не математика. В любви один больше, чем тысяча. В любви один равен бесконечности. А тысяча равна нулю, если ты их не знаешь. Это правда. Это подлая, грязная, животная правда. Но это правда.

— Два.

«Я не нажму, — подумал он. — Я не могу нажать. Я врач. Я не имею права. Это не мое право — решать, кому жить. Я не Бог. Я просто человек. Я не буду убивать тысячу детей ради одного. Даже ради своего. Это неправильно. Морально неправильно. Все священники, все философы, все эти бородатые старцы, которых я не читал, но которым верю, — они все сказали бы: Не нажимай. Не убивай. Не бери грех на душу. И я их послушаю. Я буду хорошим. Я буду праведни-

ком. Я спасу тысячу детей. Тысячу незнакомых детей, которые никогда не узнают моего имени и скажут мне спасибо на языке, которого я не понимаю. Я буду героем. Мой сын умрет. Но я буду героем. Я буду жить с этим. Я буду помнить, что я спас тысячу. Нет, не спас. Просто не убил. Я просто не убил тысячу детей. А мой сын умер. Сам. От рака. Я не убивал его. Я просто не спас. Это другое. Это совсем другое. Не спасти и убить — это разные вещи. Я не нажму. Я не буду убивать. Я просто ничего не сделаю. Бездействие — это не преступление. Это не преступление. Это не преступление...»

— Один.

Он не нажал.

Рука дернулась, но он не нажал. Он прижал ладонь к столу, чтобы она не дернулась сама. Пальцы побелели. Ногти впились в дерево. Время вышло.

— Ноль, — сказал господин Серый и закрыл ноутбук. Экран погас. Дети исчезли. Мухи на лице девочки исчезли. Осталась только ординаторская. Запах хлорки. Капающая вода. И дрожащие руки Алексея.

— Вы не нажали, — сказал господин Серый. В его голосе не было ни удивления, ни разочарования. Он просто констатировал факт. Как будто говорил: «Сегодня снег». — Интересно. Очень интересно. Вы первый за три месяца, кто не нажал.

— Что теперь? — спросил Алексей. Губы были сухие. Язык прилипал к нёбу.

— Теперь ничего. Вы сделали выбор. Ваш сын не получит денег. Тысяча детей в Эфиопии получит продовольствие. Мы сдержим слово. Они выживут. Поздравляю. Вы спасли тысячу человек. Вы герой. Только никто об этом не узнает. Герои обычно неизвестны. Это нормально.

Господин Серый встал и застегнул пальто. Он был спокоен. Он вообще был очень спокойный человек. Алексей подумал, что такие люди работают в моргах. Или в крематориях. Или в этих ваших организациях.

— Пойдите, — сказал Алексей. — А если бы я нажал? Что было бы с этими детьми?

— Они бы умерли. Не сразу. В течение месяца. От голода и болезней. Караван бы не пришел. Деньги ушли бы на вашего сына. Мы не воры. Мы просто предлагаем выбор. Мы не мухлюем. Всё честно.

— Откуда я знаю, что это всё правда? Может, вы мне просто показали картинку из интернета? Может, никаких детей нет? Может, вы просто мошенники?

— Может быть, — сказал господин Серый. — Может быть, я мошенник. Может быть, дети не настоящие. Может быть, кнопка ни к чему не подключена. Но вы этого никогда не узнаете. В этом и суть. Вы приняли решение в условиях неопределенности. Как в жизни. Вы никогда не знаете наверняка. Вы верите или не верите. Вы поверили, что дети настоящие. И вы их спасли. А если они ненастоящие, то вы спасли воображаемых детей, а своего сына — нет. Это бы-

ло бы глупо, правда? Но вы поверили. И теперь будете мучиться. Потому что не узнаете. Никогда не узнаете. Это самое страшное наказание. Не знать, правильный ли ты сделал выбор.

Господин Серый пошел к двери. У двери он обернулся.

— Кстати, ваша жена знает о вашем решении?

— Она не знает о встрече.

— Понятно. Ну, вы ей расскажете. Или не расскажете. Это тоже выбор. Жизнь вообще состоит из выборов. Вы сегодня сделали свой. До свидания, Алексей Иванович. Берегите себя. И сына... пока он еще с вами.

Дверь закрылась. В коридоре стихли шаги. Алексей остался один. Он сидел и смотрел на красную кнопку, которая осталась на столе. Коробочка была черная и блестящая. Как гроб. Как маленький гробик для хомячка. У сына когда-то был хомяк. Он умер. Сын плакал три дня. А потом завел рыбку. Рыбка тоже умерла. Сын сказал: «Папа, я больше не хочу никого заводить. Они все умирают». А Алексей сказал: «Все умирают, сынок. Просто одни раньше, другие позже». Хорошенькое утешение. Отличное, просто отличное утешение от отца-врача.

Он взял коробочку. Она была легкая. Он повертел ее в руках. Пластик. Обычный дешевый пластик. Кнопка не нажималась больше — видимо, одноразовая. Одноразовая кнопка для одноразовых решений. Алексей подошел к окну и открыл форточку. В лицо ударил холодный ветер со снегом.

Он размахнулся и выбросил коробочку в окно. Она упала в сугроб. Даже звука не было слышно.

Он закрыл форточку. Пошел на третий этаж. Ноги были ватные. В ушах звенело. Три пролета. Обычно он проходил их за минуту. Сегодня шел пять. Или десять. Он не считал.

Палата номер семнадцать. Дверь была приоткрыта. Он вошел. Сын лежал на кровати и смотрел в потолок. Он не спал. Он просто смотрел. В палате было темно, только ночник горел у изголовья. Желтый свет падал на подушку и на лысую голову сына. Лысая голова блестела. Как бильярдный шар. Как коленка. Как луна.

— Привет, — сказал Алексей и сел на стул рядом с кроватью.

— Привет, пап, — сказал сын. Голос у него был тихий и хриплый. Как у старичка. Как у маленького старичка, который много курил. Но он не курил. Он вообще ничего не делал. Просто болел.

— Как ты?

— Нормально. Только пить хочется.

Алексей взял поильник и поднес к губам сына. Тот сделал глоток. Вода потекла по подбородку. Алексей вытер подбородок салфеткой.

— Пап, а когда мы поедем к доктору Шнайдеру? Ты говорил, что скоро. Я уже хочу скорее. Здесь скучно. И уколы болючие.

— Скоро, сынок. Очень скоро. Я решаю вопрос. Осталось

чуть-чуть.

— Ты всегда говоришь «чуть-чуть». А это сколько? День? Два?

— Немного. Ты потерпи. Ты же сильный.

— Я сильный. Я потерплю. Только ты быстрее, ладно?

— Ладно.

Сын закрыл глаза. Ресниц у него не было. Они выпали после второй химии. Глаза без ресниц кажутся очень большими и очень беззащитными. Как у рыбы. Как у той рыбки, которая умерла. Алексей сидел и смотрел, как сын засыпает. Дыхание было ровным, но слабым. Слишком слабым для пятилетнего мальчика. Пять лет — это возраст, когда нужно бегать и орать, ломать коленки и разбивать носы. А не лежать в кровати и смотреть в потолок. Пять лет — это начало. А у него это был конец. Конец, который папа решил не отменять. Папа решил, что тысяча африканских детей важнее. Папа — герой. Только герой сидит сейчас на стуле, и у него трясутся руки, и ему хочется выть. Но он не воет. Потому что сын может проснуться. И потому что мужчины не воют. Мужчины продают почки, берут кредиты и выбрасывают красные кнопки в окно. А потом сидят в темноте и смотрят, как умирает их сын.

Через месяц сын умер. Это случилось во вторник. Утром. В одиннадцать сорок семь. Он просто перестал дышать. Без криков, без агонии. Тихо. Как будто задули свечку. Алексей держал его за руку. Рука была горячая, а потом стала холод-

ная. Очень быстро. Слишком быстро. Как будто жизнь уходила не постепенно, а сразу. Раз — и всё. Пустота. Тишина. Только пиканье монитора. Прямая линия. Ровная, как дорога. Как та дорога, по которой они должны были поехать в Мюнхен.

Жена кричала. Она стояла в коридоре и кричала. Медсестры пытались ее успокоить. Она не успокаивалась. Она кричала и била кулаками в стену. Стена была салаточная, фишечная. На ней остались следы от ударов. Алексей не кричал. Он стоял и смотрел на прямую линию. И думал о том, что теперь эта линия — навсегда. Теперь вся его жизнь — прямая линия. Без пиков, без падений, без надежды. Просто ровная дорога в никуда.

В тот день, когда сын умер, он пришел домой и напился. Он не пил до этого пять лет. С тех пор как родился сын. Он бросил пить, потому что хотел быть хорошим отцом. Теперь он не был отцом. Он был просто человеком, у которого умер сын. Таким людям можно пить. Им всё можно. Им даже нужно пить. Потому что трезвым быть невыносимо.

Он пил водку. Водка была дешовая и теплая. Он не закусывал. Он просто пил и смотрел на фотографию сына на холодильнике. Сыну там было три года. Он сидел на пляже и держал в руках ведро. Ведро было красное. Как кнопка. Как та чертова кнопка. Он улыбался. У него были все волосы, и щеки были толстые, и глаза были веселые. Он был живой. Очень живой.

Алексей налил себе еще. Рука не попадала в стакан. Водка лилась на стол. Он не вытирал. Пахло спиртом и отчаянием. Он думал о том, что если бы он нажал кнопку, сын бы сейчас жил. Лежал бы в палате мюнхенской клиники и шел на поправку. Доктор Шнайдер делал бы свое дело. А через полгода они бы гуляли по парку. Там красивые парки в Мюнхене. Он видел фотографии в интернете. Он смотрел их, когда собирал деньги. Парки, пруды, лебеди. Сын кормил бы лебедей. Крошил бы булку и кидал в воду. И смеялся бы. Он так любил кормить уток. Когда они жили на даче, он каждое утро бегал к пруду с куском хлеба. «Папа, смотри, уточка ест!» И смеялся.

Теперь он не смеется. Теперь он лежит в земле. На Митинском кладбище. В гробу, обитом синей тканью. Синяя ткань — для мальчиков, розовая — для девочек. Он узнал это, когда заказывал гроб. Раньше не знал. Раньше ему не нужно было заказывать гробы для детей. Теперь знает. Много всего знает теперь. Например, что детские гробы делают короче, но шире. Дети же маленькие. Слишком маленькие.

Он лег на пол. Водка кончилась. Было темно. Он лежал на полу и смотрел в потолок. Как сын. Сын тоже смотрел в потолок последние недели. Что он там видел? Может быть, ангелов. Может быть, чертей. Может быть, доктора Шнайдера, который не приехал. Потому что папа не купил ему билет. Папа купил билет тысяче африканских детей. Тысяча африканских детей сейчас живы. Они едят кашу, которую им при-

вез караван. Каша из кукурузы и сухого молока. Они не знают, что какой-то русский мальчик умер, чтобы они ели кашу. И никогда не узнают. Потому что это не важно. Для них это не важно. Для них важно, что есть каша. А для Алексея важно, что нет сына. И каши нет. Вообще ничего нет. Только прямая линия.

Потом, через две недели после похорон, он нашел в почтовом ящике конверт. Простой белый конверт без марки и без адреса. Внутри была записка. Печатными буквами, ровным шрифтом: «Если хотите узнать правду о детях, приходите по адресу...» И адрес. Где-то в районе Курского вокзала. Алексей сначала порвал записку. Потом склеил. Потом опять порвал. Потом достал из ведра и склеил заново. Потому что ему нужна была правда. Или не нужна. Но он хотел знать. Хотел знать, настоящие ли были дети. Хотел знать, спас ли он кого-то. Или просто потерял сына в обмен на пустоту. И он поехал.

Офис находился в сером здании без вывески. На проходной сидел охранник. Он спросил фамилию и молча кивнул в сторону лифта. Алексей поднялся на пятый этаж. Дверь открыл господин Серый. Он был в том же сером пальто. Или в таком же. У них, наверное, шкаф, полный серых пальто.

— Я ждал вас, — сказал господин Серый. — Проходите.

Алексей прошел. Это была комната с голыми стенами. Стол, два стула, ноутбук. Никаких карт мира, никаких фотографий голодных детей, никаких плакатов «Спасем Афри-

ку». Просто пустая комната. Как в налоговой. Или в кабинете психотерапевта.

— Скажите мне, — сказал Алексей, не садясь. — Дети были настоящие?

— Да. Настоящие. Мы отправили караван. Тысяча детей получила еду. Мы можем показать вам отчеты, фотографии со спутника, документы ООН. Всё подтверждено. Вы спасли тысячу человек. Вы довольны?

Алексей молчал. Он не знал, доволен он или нет. Он знал только, что внутри у него черная дыра. И она всё росла. И чем больше он думал о спасенных детях, тем больше была дыра. Потому что спасенные дети не заменяли его сына. Они не приезжали к нему в гости, не звонили по телефону, не называли папой. Они были где-то там, в Африке, в пустыне, жрали свою кашу и жили. А его сын не жил. И это была единственная правда, которая имела для него значение.

— Я хочу работать у вас, — сказал Алексей.

Господин Серый поднял бровь.

— Интересно. Зачем?

— Чтобы понять.

— Что понять?

— Почему люди нажимают кнопку. И почему не нажимают. И кто я такой после всего этого. Я хочу смотреть в глаза другим и видеть, как они выбирают. Может, тогда я пойму, правильный ли я сделал выбор.

— Вы никогда этого не поймете, — сказал господин Се-

рый. — Но работа у нас есть. Нам нужны агенты. Люди, которые пережили потерю. Люди, которые уже сделали выбор. Они лучше всего умеют задавать вопросы. Потому что они знают цену ответа. Вы подходите. Приходите завтра. Получите инструктаж. Зарплата — сто тысяч в месяц. Это немного, но вам хватит. На что вам теперь тратить?

Алексей усмехнулся. Усмешка вышла кривая. Как шрам.

— Сто тысяч. Цена моего сына. Сто тысяч в месяц.

— Нет, — сказал господин Серый. — Цена вашего сына — это то, что вы сделали. А сто тысяч — это просто зарплата. Не путайте. Приходите завтра.

Алексей кивнул и вышел. На улице опять шел снег. Конец марта, а снег всё шел. Будто зима не хотела уходить. Будто она знала, что весна ничего не изменит. Весна придет, снег растает, а сын не вернется. И это навсегда. И от этого никуда не деться.

Он шел по улице и думал о том, что завтра он станет агентом. Он будет находить отчаявшихся родителей и предлагать им выбор. Он будет класть перед ними красную кнопку и смотреть, как они мучаются. Он будет видеть, как они нажимают. Или не нажимают. И будет знать, что он сам — единственный дурак, который не нажал. Или не дурак. Он еще не знал. Он хотел узнать. Именно для этого он туда шел. Не ради денег. Не ради работы. А чтобы узнать. Чтобы посмотреть в глаза сотне других отцов и матерей и увидеть там себя. Или не увидеть. И тогда, может быть, он поймет. Хотя нет.

Ничего он не поймет.

Дома было пусто. Жена ушла месяц назад. Сразу после похорон. Она сказала: «Я не могу смотреть на тебя. Ты даже не попытался. Ты просто сдался». Он не сказал ей про кнопку. Он вообще ничего не сказал. Она думала, что он просто не смог собрать денег. Что он плохо старался. Что он сдался. А он не сдался. Он отказался убивать тысячу детей. Но это было невозможно объяснить. Потому что любое объяснение звучало бы как безумие. «Понимаешь, милая, ко мне пришел человек и предложил убить тысячу негрят ради нашего сына, и я не стал. Я герой». Нет, это звучало бы не как геройство. Это звучало бы как предательство. Предательство собственного ребенка ради абстрактной морали. И она бы не поняла. И никто бы не понял. Он сам не понимал. Поэтому он ничего не сказал. И она ушла.

Он сел на кухне и включил чайник. В раковине лежала невымытая кружка с мухой. Опять муха. Наверное, та же самая. Или ее потомок. Мухи живут мало. Но размножаются быстро. Как африканские дети. Тоже живут мало и размножаются быстро. Только дети не мухи. Дети — это другое. Совсем другое.

Чайник закипел. Он насыпал в кружку заварки прямо поверх мухи. Залил кипятком. Сел за стол. Посмотрел на красную коробочку, которую он выбросил в сугроб. Интересно, она еще там, под снегом? Или дворник убрал? Может, пойти посмотреть? Зачем? Какая разница? Кнопка одноразовая.

Жизнь тоже одноразовая. Нажмешь — и всё. Не нажмешь — тоже всё. Но по-другому.

Он сделал глоток. Чай был горький. Муха плавала сверху. Он не стал ее вылавливать. Просто пил с мухой. Какая теперь разница.

Завтра он пойдет на работу. Будет смотреть, как выбирают другие. Будет задавать вопросы, на которые нет ответа. Будет видеть страх в глазах родителей. Будет видеть, как они нажимают кнопку, не думая ни секунды. Или думают, но все равно нажимают. И будут правы. По-своему правы. А он будет стоять рядом и ненавидеть их. Или завидовать. Он еще не знал.

Он знал только одно. Его сын умер. Тысяча детей живы. И это ничего не меняет. Вообще ничего.

Он допил чай и лег спать прямо в одежде. Ему приснился сын. Они сидели на пляже и кормили уток. Сын смеялся и бросал хлеб в воду. Утки кричали. Солнце светило. А потом пришли африканские дети, тысяча детей, и съели всех уток. И сын заплакал. А Алексей стоял и ничего не мог сделать. Потому что у него не было кнопки.

Он проснулся в шесть утра от звонка будильника. Встал. Умылся. Оделся. Вышел на улицу. Там его ждал господин Серый. Он стоял у подъезда и курил. Снег перестал.

— Доброе утро, агент, — сказал господин Серый. — Пойдемте. Работа ждет. И помните: никакой рефлексии. Вы просто задаете вопрос. Они отвечают. Вы не судите. Вы не оце-

ниваете. Вы просто смотрите. Поняли?

— Понял, — сказал Алексей.

И они пошли.

Инструкция

Утром пошел дождь. Дождь был мелкий и холодный. Он шёл не переставая уже три дня. Улицы стояли в воде. Вода была серая, как небо. Вода отражала серые дома и серых людей. Москва весной всегда такая. Серая. Мокрая. Как старая тряпка, которую забыли выжать. Алексей стоял у подъезда и курил. Он начал курить месяц назад. Раньше не курил, потому что сын просил. Сын говорил: «Папа, не кури, а то умрёшь». И Алексей не курил. Теперь было всё равно. Теперь можно было курить, пить, прыгнуть с моста. Всё равно.

Подъехала машина. Чёрный седан без номеров. Или с номерами, но запачканными грязью. Стекло опустилось. Господин Серый сидел за рулём.

— Садитесь, Алексей Иванович.

Алексей сел. В машине пахло кожей и сигаретами. Хорошими сигаретами. Не такими, как у него. Он курил дешёвый «Винстон». От «Винстона» першило в горле. Но это было даже приятно. Боль в горле напоминала о том, что он ещё жив. Хотя иногда он в этом сомневался.

— Курить можно? — спросил Алексей.

— Курите.

Он закурил. Зажигалка дала осечку. Потом вторую. На третьей зажглась. Руки всё ещё дрожали. Они дрожали всегда. Это называлось тремор. Он знал это как врач. Тремор

мог быть от стресса, от алкоголя, от бессонницы. У него было всё вместе. Гремучая смесь. Коктейль «Отчаяние». Подаётся тёплым.

Машина тронулась. Ехали молча. Господин Серый смотрел на дорогу. Он вёл машину аккуратно. Соблюдал скоростной режим, включал поворотники, пропускал пешеходов. Образцовый водитель. Образцовый убийца. Или не убийца. Кто он такой? Менеджер по моральным выборам. Звучит как название должности в аду.

— Куда мы едем? — спросил Алексей.

— В офис. Вернее, в учебный центр. Сегодня у вас инструктаж. Вы узнаете, как мы работаем. Правила, протоколы, этикет. Всё как в нормальной компании. У нас даже есть корпоративная этика.

— Этика. Забавно.

— Вы зря иронизируете. Этика — это единственное, что у нас есть. Мы не бандиты. Мы не убийцы. Мы просто даём людям возможность проявить свою истинную природу. Это как рентген. Мы просвечиваем душу. И показываем человеку, кто он есть на самом деле. Большинству это не нравится. Но это не наша вина. Мы только зеркало. Кривое зеркало. Но честное.

— А вы сами нажимали? — спросил Алексей.

Господин Серый помолчал. Машина свернула на Третье транспортное. Пробка была уже плотная. Стояли.

— Это личный вопрос.

— Я ваш сотрудник. Я имею право знать.

— Сотрудник? Пока нет. Пока вы стажёр. Испытательный срок — месяц. Потом посмотрим. Но я отвечу. Нет. Я не нажимал. У меня никогда не было детей. Поэтому меня взяли на эту работу. Я не могу быть объективным, если у меня есть дети. А я объективен. Я как весы. Как те весы, на которых взвешивают души. Помните египетскую мифологию? Сердце кладут на одну чашу, перо богини Маат — на другую. Если сердце перевешивает — человека сжирает Амаат. Чудовище с головой крокодила. Забавно. Мы все ждём своего крокодила.

Алексей выбросил окурочек в окно. Прикурил новую сигарету. Дым наполнил салон. Господин Серый приоткрыл окно.

— Вы много курите.

— Я начал недавно. Навёрстываю.

— Навёрстывайте. У нас на работе курить можно. У нас вообще много чего можно. Нельзя только осуждать клиента. Это первое правило. Вы его запомните?

— Запомню.

Машина выехала из пробки и свернула в переулок. Старые кирпичные дома, граффити на стенах, ржавые гаражи. Типичный московский задворок. Здесь всегда пахнет мочой и жареным луком. Смесь тошнотворная, но привычная. Как и всё в этой жизни.

Остановились у железных ворот. Господин Серый нажал

кнопку на брелоке. Ворота открылись. Въехали во двор. Двор был пустой. Посередине стояло двухэтажное здание из красного кирпича. Похоже на старую фабрику. Или на склад. Окна заклеены изнутри плёнкой. Ни вывесок, ни табличек. Только камера над дверью.

— Приехали. Офис. Прошу.

Внутри было чисто и стерильно. Белые стены, серый линолеум, лампы дневного света. Пахло кофе и бумагой. Как в обычном офисе. Только очень тихо. Слишком тихо. Как в морге. Господин Серый провёл его через турникет. Охранник на входе молча кивнул. Охранник был огромный, с шеей как у быка и маленькими глазками. Он посмотрел на Алексея и ничего не сказал.

Они поднялись на второй этаж. Длинный коридор. Двери по обе стороны. На дверях номера. Без табличек. Только номера. 201, 202, 203. Как в гостинице. Как в плохой гостинице на окраине. Они вошли в кабинет под номером 207.

Кабинет был маленький. Стол, два стула, компьютер, проектор на штативе. На стене — белый экран. У стены — кулер с водой. Господин Серый сел за стол и жестом пригласил Алексея садиться напротив.

— Итак. Вводный инструктаж. Слушайте внимательно. Повторять не буду. Вопросы — в конце.

Он включил проектор. На экране появилась эмблема. Круг, разделённый пополам. Половина белая, половина чёрная. В центре — точка. Красная точка.

— Это наш логотип. Он символизирует выбор. Всегда есть две стороны. И точка невозврата. Красная точка. Это момент, когда человек жмёт на кнопку. Или не жмёт. После этого он переходит границу. Граница — это то, с чем мы работаем. Мы — Организация «Граница». Название банальное, но точное. Наша миссия — исследование моральных пределов человека. Мы не спасаем детей в Африке. Мы не лечим рак. Мы изучаем, как далеко готов зайти человек ради того, кого он любит. И что он чувствует потом.

— Это эксперимент? — спросил Алексей. — Вы ставите эксперименты на людях?

— Нет. Мы не экспериментаторы. Мы, скорее, архивариусы. Мы собираем данные. Каждый выбор, каждое нажатие или ненажатие кнопки записывается в базу данных. Мы анализируем реакции, эмоции, последствия. Мы пишем историю человеческой морали. Не ту, что в учебниках. А настоящую. Ту, что проявляется, когда человеку дают красную кнопку и десять секунд.

— И много вы собрали?

— Достаточно. Сейчас в базе три тысячи четыреста двенадцать случаев. Из них в трёх тысячах трёхстах девяноста восьми случаях человек нажал кнопку. Четырнадцать — не нажали. Вы — пятнадцатый.

— Четырнадцать человек не нажали. Где они сейчас?

— Разное. Трое покончили с собой в течение года. Пятеро в психиатрических клиниках. Двое ушли в монастырь.

Один стал волонтером в Судане. Решил лично увидеть тех, кого спас. Умер от тифа через полгода. Ещё трое работают у нас. Как агенты. Как вы теперь. Итого — из пятнадцати отказавшихся нажимать кнопку: трое суицидов, пятеро безумцев, двое монахов, один мёртвый волонтер и четверо агентов, включая вас. Весёлая компания, правда? А из тех, кто нажал, — девяносто восемь процентов живут нормальной жизнью. Некоторые мучаются. Но большинство спят спокойно. Потому что их дети живы. И это всё оправдывает.

Алексей смотрел на цифры. Они были на экране. Таблица. Сухие цифры. Три тысячи четыреста двенадцать человек. Три тысячи триста девяносто восемь нажали. Четырнадцать не нажали. Пятнадцать с ним. Пятнадцать идиотов. Пятнадцать человек, которые решили, что они умнее всех. И что из этого вышло? Трое повесились. Пятеро сошли с ума. Один умер от тифа в пустыне. Отличный результат. Просто отличный.

— Вы показываете мне это, чтобы я понял, что я дурак? — спросил Алексей.

— Нет. Я показываю это, чтобы вы поняли, что вы не один. Вы часть статистики. Вы не уникальны. Вы — тип. Тип «Альтруист-самоубийца». Мы так называем таких, как вы. Вы готовы пожертвовать самым дорогим ради абстрактного блага. Вы думаете, что это добродетель. Но на самом деле это форма гордыни. Вы решили, что вы лучше других. Что вы имеете право судить. Что ваша мораль выше. Но мораль

не бывает выше или ниже. Она просто есть. И она разная у всех. Ваша мораль убила вашего сына. И теперь вы здесь.

Алексей молчал. В горле пересохло. Он встал и подошёл к кулеру. Налил воды в пластиковый стаканчик. Вода была тёплая. Он выпил. Стаканчик смял и бросил в урну. Урна была полная. Такие же смятые стаканчики. Много людей тут сидело. Много стажёров. Интересно, сколько из них нажали кнопку, а сколько нет. И сколько из них сейчас смотрят на него из-за зеркала. Может, тут зеркальная стена. Может, за ним наблюдают.

— Вы злитесь, — сказал господин Серый. — Это нормально. Все злятся на этом этапе. Но вы должны понять: мы не враги. Мы не злодеи. Мы просто инструмент. Как скальпель. Скальпелем можно сделать операцию, а можно убить. Всё зависит от руки. Мы — скальпель. Рука — ваша. Всегда ваша.

— Хорошо. Я понял. Что дальше? Чему вы меня будете учить?

Господин Серый выключил проектор и достал из ящика стола папку. Толстую, в чёрной обложке. Положил на стол перед Алексеем.

— Здесь протокол работы с клиентом. Выучите наизусть. Коротко я расскажу сейчас. Процедура состоит из четырёх этапов. Этап первый: Поиск. Вы находите кандидата. Кандидат — это родитель ребёнка с неизлечимым или дорогостоящим заболеванием. Диагноз должен быть подтверждён. Про-

гноз — летальный в течение года без лечения. Лечение должно существовать, но быть недоступным по финансовым причинам. Никаких случаев, где лечение невозможно в принципе. Мы не даём ложной надежды. Это важно. Мы не садисты. Мы предлагаем реальный выбор.

— Откуда вы берёте кандидатов?

— Базы данных больниц, хосписов, благотворительных фондов. У нас есть доступ. Плюс открытые источники — соцсети, форумы, краудфандинговые платформы. Когда мать пишет в фейсбуке: «Помогите собрать десять миллионов на лечение сына» — это наш клиент. Мы не ищем их сами. Они сами себя находят. Мы просто ждём и выбираем. Критерии отбора: сумма сбора — от пяти миллионов рублей. Потому что меньше — человек может собрать сам. От пяти до пятнадцати — наш диапазон. Идеальный кандидат — тот, кто собрал половину суммы. Как вы. Вы были идеальным кандидатом.

— Я польщён.

— Не стоит. Это не комплимент. Это констатация. Этап второй: Контакт. Вы встречаетесь с кандидатом. Обычно на нейтральной территории. Кафе, парк, иногда у них дома. Представляетесь агентом Организации. Не вдаётесь в подробности. Говорите: «Я могу помочь. У меня есть выход. Но он требует решения». Если кандидат соглашается слушать — переходите к этапу три. Если нет — уходите. Мы не настаиваем. Это свободный выбор с самого начала.

— И много отказываются слушать?

— Около десяти процентов. Они думают, что мы сектанты или мошенники. Мы не переубеждаем. Мы уходим. И ищем следующего. Время — ресурс. У нас много кандидатов. Слишком много. Родители больных детей — это бесконечный ресурс. Печально, но факт.

Алексей опять захотел курить. Но в кабинете было нельзя. Он сжал руки в замок. Пальцы всё ещё дрожали.

— Этап третий: Презентация. Вы показываете кандидату изображение. Фотографию или видео. Дети. Голодающие дети. Всегда настоящие. Мы не используем постановочные кадры. У нас контракты с фотографами в кризисных регионах. Мы получаем материал каждую неделю. Свежий. Вы показываете это и говорите текст. Текст вы выучите. Суть текста: «У нас ограниченные ресурсы. Мы можем спасти вашего ребёнка. Или мы можем спасти этих детей. Выбирайте». Потом вы кладёте перед ними кнопку. Даёте десять секунд. И уходите.

— Уходите? Не смотрите на результат?

— Нет. Результат мы знаем сразу — кнопка подключена к передатчику. Сигнал идёт на сервер. Мы видим, нажата кнопка или нет. Но вы не должны смотреть. Вы выходите из комнаты. Ждёте минуту. Возвращаетесь. Если кнопка нажата — вы забираете её и говорите: «Ваш ребёнок получит деньги в течение суток». Если не нажата — вы просто забираете кнопку и уходите. Никаких комментариев. Ника-

ких оценок. Никакого: «Вы поступили правильно» или «Вы чудовище». Ничего. Вы — инструмент. Инструмент не говорит.

— А этап четвёртый?

— Этап четвёртый: Фиксация. Вы возвращаетесь в офис и заполняете отчёт. В отчёте описываете реакцию кандидата. Что он говорил, как выглядел, плакал или нет, кричал или молчал. Все детали. Это важно для аналитики. Мы изучаем не только выбор, но и эмоции, предшествующие выбору. И эмоции после. Через месяц вы снова встречаетесь с кандидатом. Если он нажал — смотрите, как у него дела. Если не нажал — смотрите, жив ли он вообще. И пишете второй отчёт. Это долгосрочное наблюдение. Мы ведём своих клиентов годами. Это наука. Мрачная, но наука.

Алексей открыл папку. Там были графики, таблицы, образцы анкет, тексты скриптов. Всё серьёзно. Как в фармацевтической компании. Или в ЦРУ. Бюрократия зла.

— А что с детьми? С африканскими детьми. Они вообще существуют?

— Существуют. Мы сотрудничаем с тремя гуманитарными миссиями. Если кандидат не нажимает кнопку, мы переводим деньги в миссию. Они закупают продовольствие и отправляют караван. Всё по-честному. Если кандидат нажимает — мы переводим деньги на лечение его ребёнка. Миссия в этом месяце получает меньше. Но мы не виноваты. Так решил кандидат. Мы просто исполнители.

— То есть вы используете реальных детей как разменную монету.

— Мы используем реальность. Реальность такова, что одни дети умирают от голода, а другие — от рака. Мы не создали эту реальность. Мы в ней живём. И даём людям возможность в ней разобраться. Это всё, что мы делаем. Не больше. Но и не меньше.

Господин Серый встал и подошёл к окну. За плёнкой угадывался серый день. Дождь продолжался.

— Знаете, в чём парадокс? — сказал он, не оборачиваясь. — В том, что эти африканские дети умрут в любом случае. Может, не сегодня. Может, через год. Но умрут. Потому что система не меняется. Потому что мир устроен так, что кто-то всегда умирает от голода. Ваш сын, если бы вы нажали кнопку, жил бы ещё шестьдесят лет. Шестьдесят лет против оставшихся шести месяцев жизни голодающего ребёнка. Это математика. Холодная, жестокая математика. Но вы выбрали математику большинства. Тысяча жизней против одной. Тысяча детей получили еду. Вы думаете, это что-то изменило? Через месяц они снова голодны. Через два — снова на грани смерти. Мы даём им рыбу, а не удочку. Мы просто оттягиваем неизбежное. А ваш сын мог жить. По-настоящему жить. Вырасти, выучиться, стать врачом, как вы. Спасать людей. Он мог спасти больше, чем тысячу. Но вы лишили его этого шанса. Ради жеста. Ради красивого жеста.

— Вы пытаетесь меня сломать? — спросил Алексей. —

Зачем?

— Нет. Я пытаюсь вас подготовить. Когда вы придёте к первому кандидату и увидите его лицо, вы должны помнить, что ваш выбор был не лучше. А может, и хуже. Вы должны помнить, что вы не святой. Вы просто человек, который сделал выбор. И теперь вы смотрите, как другие делают свой. Без осуждения. Потому что если вы начнёте осуждать — вы не сможете работать. Вы сломаетесь. А нам ломаные агенты не нужны. У нас их и так хватает.

Он отошёл от окна и сел обратно за стол.

— На сегодня всё. Папку заберите. Учите. Завтра у вас тест. Если сдадите — получите первое задание. Если нет — до свидания. Пойдёте обратно в свою больницу, штопать аппендициты и вспоминать сына. Это ваш выбор. Тоже выбор.

— Я сдам, — сказал Алексей.

— Посмотрим. Все так говорят.

Алексей взял папку и встал. Господин Серый не двигался. Он смотрел в монитор компьютера. На экране что-то мигало. Какая-то программа. Может быть, база данных. Может быть, игра. «Сапёр» или «Косынка». В такие игры играют люди, которые ждут. А он всегда ждал. Ждал, пока очередной кандидат примет решение. Ждал, пока очередной агент сломается. Ждал, пока мир станет лучше. Хотя знал, что не станет.

— Вопрос можно? — спросил Алексей у двери.

— Задавайте.

— Почему именно кнопка? Почему не подписать дого-

вор? Не голосование? Почему именно театр с красной кнопкой и десятью секундами?

Господин Серый поднял глаза от монитора.

— Потому что договор можно оспорить. Голосование — обжаловать. А кнопка — это мгновенный, необратимый акт. В нём есть чистота. Когда человек жмёт на кнопку, он не думает о юристах, о последствиях, о том, что скажут соседи. Он действует на уровне инстинкта. И этот инстинкт — самый честный. Мы хотим увидеть не социальную маску, а звериный оскал. Или ангельский лик. Что проявится. Обычно проявляется оскал. Но иногда — лик. Редко. Очень редко. Как вы. Вы — лик. Гордый, глупый, мёртвый лик. Можете этим гордиться.

— Я не горжусь.

— Значит, вы умнее, чем кажется. Идите. Завтра в девять.

Алексей вышел в коридор. Дверь закрылась мягко, с тихим щелчком. Он стоял в пустом коридоре и смотрел на белые стены. В голове шумело. Хотелось выпить. Или ударить кого-нибудь. Или лечь на пол и заснуть. Спать. Долго спать. Лет сто.

Он спустился на первый этаж. Охранник на проходной всё так же сидел и смотрел в экран телефона. На экране мелькали какие-то видео. Смешные коты. Или взрывы. Алексей не разобрал. Прошёл через турникет. Вышел на улицу.

Дождь усилился. Он поднял воротник пальто и пошёл к

метро. Идти было минут пятнадцать. Мимо гаражей, мимо мусорных баков, мимо бомжа, который спал на картонке. Бомж был грязный и старый. Он лежал, свернувшись калачиком. Рядом стояла бутылка «Боярышника». Алексей подумал: «Вот он. Тоже сделал какой-то выбор. Или не сделал. И теперь спит на картонке под дождём. Может, у него тоже умер сын. Или дочь. Или никто не умирал, а просто жизнь пошла под откос. Просто жизнь. Та самая, которая состоит из выборов».

Метро пахло мокрой одеждой и дешёвой едой. Он спустился по эскалатору. Люди вокруг были серые и усталые. Они ехали домой. Они не знали, что такое красная кнопка. Они думали, что главный выбор в их жизни — что купить на ужин. Пельмени или сосиски. И они были счастливы. По-настоящему счастливы в своей простоте. Алексей завидовал им. Раньше он их презирал. Думал, что они обыватели, мешане, серая масса. Теперь он понимал: серая масса — это благословение. Потому что, как только ты выпадаешь из неё, ты попадаешь в ад. В ад выбора. В ад, где ты должен решать, кому жить, а кому умереть. И никто не спасёт тебя от этого решения. Никто.

Дома он открыл папку. Начал читать. Текст был сухой, канцелярский. «Пункт 3.2.1: При установлении контакта избегайте прямой оценки состояния ребёнка кандидата. Не выражайте сочувствия чрезмерно. Сочувствие снижает эффективность выбора, так как создаёт ложное чувство поддерж-

ки». Ложное чувство поддержки. Боже мой. Это писали люди. Люди с душами. Или без душ. Или с душами, но очень сухими. Как старый сыр. Крошится в руках.

Он читал два часа. Выучил скрипты. «Добрый день. Я представляю организацию, которая помогает родителям в вашей ситуации. У нас есть предложение. Оно необычное. Пожалуйста, выслушайте меня до конца». Дальше шёл текст про ограниченные ресурсы, про тысячу детей, про красную кнопку. В конце — «У вас есть десять секунд. Время пошло». Потом агент выходит. Ждёт минуту. Возвращается. «Спасибо за ваш выбор. Наш сотрудник свяжется с вами». Всё. Сухо. Чисто. Как операция. Как удаление аппендицита. Только вместо аппендицита — душа.

Он закрыл папку и подошёл к окну. Дождь кончился. На улице темнело. В доме напротив зажглись окна. Жёлтые квадраты. Там жили люди. Они ужинали, смотрели телевизор, ругались, смеялись. Они не знали, что за ними наблюдает человек с чёрной папкой. Человек, который завтра пойдёт и предложит кому-то убить тысячу детей. Или не убить. И этот кто-то будет мучиться так же, как мучился он. И тоже сделает выбор. И тоже пожалеет. В любом случае пожалеет. Потому что выбора без сожаления не бывает. Это он уже понял. Это было единственное, что он понял за последние два месяца.

Он лёг на диван и закрыл глаза. В голове крутилась фраза из инструкции: «Агент не должен проявлять эмоций. Эмо-

ции агента мешают чистоте эксперимента». Чистота эксперимента. Вот как это называется. Эксперимент по изучению человеческой природы. А он — лаборант. Лаборант, который ставит опыты на таких же, как он сам. И смотрит, как мыши жмут на кнопку. И записывает результаты. И идёт домой. И спит. Или не спит. Обычно не спит.

Утром он проснулся в шесть. По привычке. Выпил чаю. Мухи в кружке больше не было. Он вымыл кружку вчера. Впервые за месяц. Зачем-то. Может, новая жизнь. Может, просто надоела грязь. Он оделся и поехал в офис.

Тест был простой. Господин Серый играл роль кандидата. Алексей — агента. Он отработал скрипт. Голос не дрожал. Руки — тоже. Господин Серый кивнул.

— Хорошо. Вы сдали. Вот ваше первое задание.

Он протянул Алексею тонкую папку. На обложке было написано: «Кандидат 3417. Женщина, 32 года. Ребёнок: мальчик, 4 года. Диагноз: острый лимфобластный лейкоз. Сумма сбора: 7 миллионов рублей. Собрано: 3 миллиона. Контакт: телефон, адрес». Ниже — фотография. Женщина с усталыми глазами, светлые волосы, зализанные в хвост. Рядом — мальчик в больничной пижаме. Лысый. Улыбается.

Алексей посмотрел на фотографию мальчика. У него были ямочки на щеках. Даже лысый, даже больной — он улыбался. Как сын Алексея на той фотографии с пляжа. До того, как всё началось. До того, как пришли боли и химия и потеря веса. До того, как папа не нажал кнопку.

— Это ваш первый клиент, — сказал господин Серый.
— Зовут Анна. Анна Викторовна. Она ждёт вас сегодня в три часа в кафе «Стрела» на Бауманской. Не опаздывайте. И помните: никакой личной вовлечённости. Вы — инструмент.
— Я помню.

Алексей взял папку и вышел. На улице светило солнце. Первое солнце за месяц. Лужи блестели. Воробьи купались в лужах. Они были мокрые и смешные. Он стоял и смотрел на воробьёв. Они не знали про кнопки. Про выборы. Про рак. Про голод. Они просто жили. Купались в луже, чирикали, дрались за крошку хлеба. У них не было морали. У них была жизнь. И это было прекрасно. И чудовищно одновременно.

Он сел в метро и поехал на Бауманскую. До трёх было ещё четыре часа. Он хотел приехать заранее. Осмотреться. Привыкнуть. Он никогда не был в кафе «Стрела». Он вообще редко ходил в кафе. Только с женой и сыном. Раньше. В прошлой жизни. Они ходили в пиццерию. Сын любил пиццу «Маргарита». Один раз он подавился оливкой и кашлял. Алексей стучал ему по спине. Оливка выскочила. Сын сказал: «Папа, ты мой спаситель». Алексей засмеялся. Если бы он знал тогда, что не спасёт его по-настоящему. Что придёт момент — и он не спасёт.

Кафе «Стрела» оказалось подвальным помещением с низкими сводами. Пахло кофе и старым деревом. Хорошее место. Тихое. Он сел за дальний столик, заказал чёрный кофе и стал ждать. Папку он положил перед собой на стол. Он смотрел

рел на фотографию Анны Викторовны. Тридцать два года. На два года младше его. Муж, судя по анкете, ушёл, когда узнал диагноз. Классика. Мужья уходят, жёны остаются. Или наоборот. Но чаще уходят мужья. Они не выдерживают. Им нужна здоровая семья. Здоровые дети. А тут — лейкоз, больницы, слёзы. Они сбегают. Как крысы с корабля. А корабль плывёт дальше. С дырой в борту.

Он пил кофе и смотрел на дверь. В три часа она открылась. Вошла Анна. Он сразу узнал её. Она была ниже, чем на фото, и худее. Светлый плащ, серый шарф. Под глазами — синяки. Она остановилась у входа и осмотрелась. Он встал и помахал ей рукой. Она подошла.

— Здравствуйте. Вы Алексей?

— Да. Присаживайтесь. Спасибо, что пришли.

— Мне сказали, что вы можете помочь. Сказали, что это серьёзно. Я пришла. Что вы хотите?

Она смотрела на него с надеждой. С той самой надеждой, которая бывает только у матерей смертельно больных детей. Дикая, отчаянная, слепая надежда. Он узнал этот взгляд. Он сам так смотрел. На всех. На врачей, на чиновников, на спонсоров. На господина Серого. Когда-то. До того, как сделал выбор.

— Я представляю организацию, — начал он заученный текст. — Организацию, которая помогает родителям в вашей ситуации. У нас есть предложение. Оно необычное. Пожалуйста, выслушайте меня до конца...

Она слушала, не перебивая. Глаза её расширились по мере того, как он говорил. Когда он достал ноутбук и показал фотографию голодающих детей, она побледнела. Когда он положил на стол красную кнопку и сказал про десять секунд, она закрыла лицо руками.

— Это какая-то шутка? — спросила она глухим голосом. — Вы шутите надо мной? Это скрытая камера?

— Нет. Это серьёзно. У вас десять секунд. Время пошло. Десять.

Он встал и вышел из-за стола. Как было в инструкции. Агент не смотрит. Агент выходит. Он вышел на улицу и закурил. Руки дрожали опять. Прошла минута. Он вернулся.

Анна сидела неподвижно. Перед ней лежала кнопка. Кнопка была нажата. Красный огонёк горел. Она подняла на него глаза. Глаза были сухие. Она не плакала.

— Я нажала, — сказала она. — Я нажала, слышите вы? Мой сын будет жить. А эти дети... пусть они... пусть. Я не знаю их. Я знаю своего. Я нажала. Передайте вашим начальникам: я нажала. И мне плевать. Плевать, что вы обо мне думаете. Плевать, что кто-то там умрёт. Мой сын будет жить. И это всё.

Алексей забрал кнопку. Положил в карман.

— Ваш сын получит деньги в течение суток, — сказал он заученным тоном. — Наш сотрудник свяжется с вами. Спасибо за выбор.

Он повернулся и пошёл к выходу. В спину ему летел её

ГОЛОС.

— Вы думаете, я чудовище? Да? Но вы не знаете, каково это! Вы не знаете, каково это — смотреть, как твой ребёнок умирает! Вы не знаете!

Он знал. Очень хорошо знал. Но ничего не сказал.

Анна

В баре было темно и пусто. Только бармен протирал стаканы за стойкой да в углу сидел пьяный мужик и разговаривал сам с собой. Пахло старым пивом и дешёвым освежителем воздуха. «Хвоя». Или «Морской бриз». Такие запахи всегда в дешёвых барах. Они пытаются перебить запах отчаяния, но не могут.

Алексей сидел у стойки и пил водку. Это был уже третий стакан. Или четвёртый. Он не считал. Он пришёл сюда сразу после встречи с Анной. После того, как она нажала кнопку. После того, как он сказал ей заученную фразу про деньги в течение суток. После того, как вышел на улицу и его вырвало в урну.

Бармен поставил перед ним ещё одну рюмку. Налил не спрашивая.

— Тяжёлый день? — спросил бармен.

— Тяжёлая жизнь, — сказал Алексей.

— Это бывает. У всех бывает. Лечится водкой. Временно.

— Временно — это хорошо. Постоянно мне не надо. Мне надо до утра.

Он выпил. Водка обожгла горло. Стало чуть легче. Или чуть тяжелее. Он уже не различал. Граница между «легче» и «тяжелее» стёрлась. Осталась только водка и темнота.

Он думал об Анне. О том, как она смотрела на него. С

вызовом. С яростью. С облегчением. Она нажала кнопку. Её сын будет жить. Тысяча детей в Африке умрёт. Или не умрёт. Может, господин Серый всё придумал. Может, никаких детей нет. Может, это всё большой спектакль. Но Анна поверила. И нажала. И теперь её сын получит семь миллионов. Лечение, больница, выздоровление. Через полгода он будет бегать по улице. У него отрастут волосы. Он пойдёт в школу. Будет дёргать девочек за косички. Будет жить.

А сын Алексея лежит в земле. На Митинском кладбище. На участке для детей. Там маленькие могилы. Как игрушечные. С фотографиями на крестах. Дети с фотографиями смотрят и улыбаются. Они не знали, что умрут. Они просто жили. А потом перестали.

Он заказал ещё водки. Бармен налил.

— У вас кто-то умер? — спросил бармен. У него было лицо человека, который много слушает и мало говорит. Такие лица бывают у барменов, психотерапевтов и палачей.

— У меня все умерли, — сказал Алексей. — Сын. Жена ушла. Я сам почти умер. Но не умер. Остался. Зачем-то.

— Значит, зачем-то нужно. Если остались — значит, нужно.

— Может быть. Может, я нужен, чтобы посмотреть, как другие нажимают на кнопку. Вы знаете, что такое красная кнопка?

— Знаю. У меня была такая. Жена положила на стол заявление о разводе. Я нажал. Подписал. Теперь я здесь. Она

там. С детьми. Я плачу алименты и вижу детей раз в месяц. Вот такая у меня красная кнопка.

— И вы жалеете?

— Нет. Она была права. Я был плохой муж. Я пил. Я и сейчас пью. Но тогда я пил больше. Она устала. Она нажала кнопку. Я не виню её.

— А дети? Они вас винят?

— Дети ещё маленькие. Они не понимают. Они думают, папа уехал в командировку. Долгую командировку. На всю жизнь. Когда вырастут — поймут. И тогда, может быть, простят. Или нет. Это их выбор будет. У каждого свой выбор.

Алексей допил и бросил деньги на стойку. Денег было мало. Сто тысяч в месяц — это немного. Особенно когда ты привык зарабатывать больше. Но теперь ему хватало. На водку хватало. На сигареты. На то, чтобы снимать квартиру. Жена забрала ту квартиру. Вернее, он сам ушёл. Оставил ей всё. Ему было всё равно. Ему до сих пор было всё равно. Кроме одного. Кроме вопроса, который мучил его каждый день. Правильно ли он сделал.

Он вышел из бара. На улице было холодно. Апрель, но холодно. Москва не торопилась теплеть. Москва вообще никуда не торопилась. Она стояла на своём месте уже восемьсот лет и будет стоять ещё столько же. А люди в ней умирали. Умирали от рака, от голода, от водки, от тоски. Москва не замечала. Москва была большая и равнодушная. Как слон. Как старый слон, который видел всё и забыл.

Он пошёл домой пешком. Идти было час. Он не хотел в метро. В метро были люди. А он не хотел людей. Он вообще теперь мало хотел людей. Только иногда. Когда нужно было дать им кнопку. И смотреть, как они выбирают.

Дома он сел на кухне и достал папку. Отчёт. Нужно было заполнить отчёт о встрече с Анной. Пункты: «Реакция кандидата при предъявлении информации», «Реакция кандидата во время отсчёта», «Решение», «Эмоциональное состояние после решения». Он взял ручку и начал писать.

«Кандидат 3417. Анна Викторовна. Реакция при предъявлении информации: шок, отрицание. Спросила, не шутка ли это. Реакция во время отсчёта: агенту не положено смотреть, но кандидат, предположительно, колебалась. Решение: нажала кнопку. Эмоциональное состояние после решения: агрессивное, вызывающее. Заявила, что ей плевать на других детей. Заявила, что агент не имеет права её судить».

Он отложил ручку и закурил. Агрессивное, вызывающее. Он вспомнил её лицо. Вспомнил, как она кричала ему в спину: «Вы не знаете, каково это!» Он знал. Поэтому и не судил. Или судил. Он сам не понимал. Он ненавидел её за то, что она нажала. И одновременно завидовал. Потому что её сын будет жить. А его — нет.

Он докурил и дописал отчёт: «Примечание агента: кандидат обвинила агента в непонимании ситуации. Агент не стал возражать. Контакт завершён согласно протоколу».

Всё. Отчёт готов. Завтра он сдаст его господину Серому.

И получит следующее задание. И так будет продолжаться. Бесконечно. Конвейер. Один кандидат, второй, третий, сотый. И каждый будет нажимать кнопку. Потому что люди любят своих детей больше, чем чужих. Это нормально. Это естественно. Это биология. Только он, Алексей, пошёл против биологии. И биология его наказала. Смертью сына. Уходом жены. Бессонницей. Тремором. Водкой. Всей этой жизнью, которая теперь была не жизнь, а ожидание смерти.

Он лёг на диван и закрыл глаза. В голове крутилась одна мысль. Мысль была простая и страшная: «Я убил своего сына». Он гнал её. Он говорил себе: «Я не убивал. Я просто не спас. Это другое. Я не нажимал кнопку, которая убила бы других. Я просто не нажал кнопку, которая спасла бы моего. Я не убийца. Я просто человек, который сделал выбор». Но мысль возвращалась. Она была как муха. Как та муха в кружке. Она падала в чай и плавала там, и он пил этот чай вместе с мухой, и муха проникала в него, и теперь она была внутри, и жужжала, и не давала спать.

Он встал и прошёл на кухню. Открыл холодильник. Там было пусто. Только бутылка водки и кусок засохшего сыра. Он взял водку и выпил прямо из горла. Глоток, второй, третий. Водка потекла по подбородку. Он вытер подбородок рукавом. Сел на пол. Прислонился спиной к холодильнику. Холодильник гудел. Гул был ровный и успокаивающий. Как сердцебиение. Как сердцебиение сына, когда он спал. Алексей часто слушал его сердце. Прикладывал ухо к груди и

слушал. Тук-тук. Тук-тук. Ровное, сильное. Даже когда сын уже болел, сердце работало хорошо. Это рак убил не сердце. Рак убил всё остальное. А сердце работало до последнего. И остановилось только тогда, когда всё уже кончилось.

Он сидел на полу и слушал гул холодильника. И думал об Анне. Завтра её сыну переведут деньги. Она позвонит в клинику. Ей скажут: «Привозите мальчика, мы начнём лечение». Она заплачет. От счастья. Она упадёт на колени и будет благодарить Бога. Или судьбу. Или Организацию. Она не будет думать о детях в Африке. Вернее, будет, но отгонит эти мысли. Скажет себе: «Я сделала то, что должна была. Я мать. Я защитила своего ребёнка. Это моя работа. И я её выполнила». И будет права. По-своему права.

А он, Алексей, не выполнил свою работу. Он не защитил своего ребёнка. Он защитил каких-то абстрактных детей, которых никогда не видел. И которые, возможно, вообще не существуют. Он обменял реального сына на фикцию. На мораль. На принципы. На «я не имею права». А кто дал ему это право — решать, на что он имеет право, а на что нет? Кто? Философы? Священники? Общество? Но они не стояли рядом с ним, когда он смотрел, как умирает сын. Они не держали его за руку. Они не слышали, как сын спрашивает: «Папа, когда мы поедem к доктору Шнайдеру?» Они были где-то далеко, в своих тёплых кабинетах, и рассуждали о морали. А мораль — это роскошь. Мораль — это то, что могут себе позволить люди, у которых здоровые дети. У которых

вообще есть дети. У которых есть будущее.

Он заснул на полу, прислонившись к холодильнику. Ему приснилась Анна. Она стояла в больничной палате и держала на руках своего сына. Мальчик был здоров. У него были русые волосы и ямочки на щеках. Анна смеялась. Она говорила: «Смотри, Алексей Иванович, смотри! Мой сын жив! А твой — нет! Потому что ты дурак!» И она смеялась, и мальчик смеялся, и весь мир смеялся над ним. А он стоял и не мог ничего сказать. Потому что она была права.

Он проснулся в шесть утра. Шея затекла, спина болела. Он встал и посмотрел в зеркало. Из зеркала на него смотрел пожилой мужик с серым лицом и красными глазами. Ему было тридцать четыре. Но выглядел он на пятьдесят. Морщины, мешки под глазами, седые виски. Сесть он начал в тот день, когда узнал диагноз сына. Тогда появились первые седые волосы. За месяц их стало много. За два — почти все. Теперь он был седой. Совсем седой. Как старик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.